

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

НА ГОРНЕЙ СТОРОНЕ ПАСКАЛЯ

К выходу книги Бориса Тарасова “Мыслящий тростник”. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей”

“Я могу одобрить только тех, кто ищет истину с болью в сердце...”.

“Надо любить только Бога и ненавидеть только себя”.

Блез Паскаль

Среди значимых событий в российской культуре последнего времени безусловно следует назвать выход книги известного учёного-филолога, историка и философа Бориса Тарасова — “Мыслящий тростник”: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей” (изд-во “Языки славянских культур”, М., 2009). Издание этого солидного труда, ставшего итогом нескольких десятилетий работы автора, — явление в определённом смысле символическое. Несмотря на серьёзную историческую дистанцию, отделяющую от нашего времени персонажей Б. Тарасова, его книга исключительно актуальна как некий шанс (быть может, в ряду последних шансов) для осмысления места человека с его проблемами в стремительно набирающем ход непредсказуемом двадцатом веке...

В одной из своих недавних книг “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте” Борис Тарасов приводит слова гениального русского поэта и мыслителя: “Следует определять, какой час дня мы переживаем в христианстве. Но если ещё не наступила ночь, то мы узрим прекрасные и великие вещи...” (Курсив мой. — Г. К.). Думается, что для “определения” этого “часа” и диагноза современного общества мало найдётся более точных, идеально настроенных часов и датчиков, чем грандиозная личность и философия Блеза Паскаля. Собственно, такова миссия новой книги Б. Тарасова. А в том, что у книги о Паскале есть миссия, можно не сомневаться. Поскольку сам Паскаль есть некая миссия на земле, некое прекрасное послание человечеству, необъяснимое и таинственное. Подобно тому, как у Игнатия Богоносца Бог был запечатлён на сердце, так на сердце Паскаля был запечатлён образ “вечной и чистой истины”.

Прелюбопытный парадокс: странам и народам сегодня буквально продолжают голову, разглагольствуя об “универсальных общечеловеческих ценностях” вроде “прогресса”, “цивилизации”, “демократии”, “прав человека”, “политкорректности”, “толерантности”, “ювенальной юстиции”, “полового

воспитания”, осчастливливающей благотворности “глобализма”. Непонятным эти “универсальные ценности” “растолковывают” с помощью бомб и ракет (как в Югославии, Ираке, Афганистане...). В своей фанатичной одержимости лукавые демократические фундаменталисты поставили род людской на грань полной деградации, фактически разрушая человека в человеке, расчеловечивая его (вопреки паскалевскому убеждению, что “человек бесконечно превосходит человека”!).

И вот уже в конституции Европейского Союза, документе, преподносимом чуть ли не как вершина и средоточие тех самых “универсальных ценностей”, с демонстративным вызовом и пренебрежением отсутствует даже упоминание о христианском наследии и духовных корнях Европы, лежащих в основе всей её культуры. А в христианской Италии страха бредовой “политкорректности” ради, дабы не “оскорбить” не в меру чувствительных представителей иных конфессий, из школ изымаются традиционные настенные Распятия. Поголовное толерантное умопомешательство идёт по нарастающей до клинической степени, когда уже, к примеру, в угоду феминистской блажи на обсуждение Совета Европы (а не палаты № 6) на полном серьёзе выносятся вопросы о запрете на использование слов “отец” и “мать”, якобы дискриминирующих людей по половому признаку. Мировой истеричный гвалт так называемых “правозащитников” до сих пор не стихает в связи с попытками ввести в российских школах изучение “Основ православной культуры”. При этом повсеместно защищают право на легализованное убийство (по сути, на смертную казнь) – аборты, эвтаназию, на однополые браки, на бесстыдные парады содомитов, с вызывающей помпой проходящие в культурных городах и столицах Европы. . . При этом безостановочно работает мировая медийная индустрия разрушения, растления, оболванивания, обесмысливания человека (при вполне циничном, если не сказать – благосклонном помалкивании криводушных “правозащитников”). . .

В то время как действительно универсальные ценности, связанные с христианской традицией, которыми осветили мир святые апостолы, Евангелие, Святые Отцы Церкви, – изгоняются, осмеиваются, уничтожаются. Именно по линии этой раздельной черты между добром и злом, светом и тьмой – проходят драматичная судьба, биография мысли Паскаля.

В книге Бориса Тарасова этот бесконечно длящийся в истории разрыв рассматривается в связи с двумя традициями – “паскалевской” и “вольтеровской”. . . С теми, кто, подобно Паскалю, убеждён: “Иисус будет терпеть муку до скончания света. Всё это время не должно спать”; и с теми, кто не только сам “спит”, но и, глумясь и потешаясь над пребывающими при Кресте, измышляет и навязывает вражде “снотворное” другим. Речь идёт о “жёсткой противопоставленности, внутренней антагонистичности как бы двух сценариев развития жизни и мысли, человека и человечества, теоцентрического и антропоцентрического понимания бытия и истории” (Б. Тарасов).

В России уже Александр Пушкин, изображаемый идеологами “вольтеровско-большевистской” традиции как вечный эпикуреец и вольнодумец, с паскалевской чуткостью почувствовал всю катастрофичность антихристианской “вольтеровской” направленности: “Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. . . . Истощённая поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью или галереей соблазнительных картин”. Двадцатый век в России со всеми её революционными шабашами и так называемая “современная литература” и культура в целом на фоне разворачивающейся глобализационной революции по устройению либерально-казарменного Вавилона – показали пророческую справедливость пушкинского предупреждения. Поэт чувствовал несродность русской природы и души с “иронией холодной”, с “насмешкой бешеной и площадной”, для него нестерпимо видеть превращение литературы в “мелочные игрушки”. “Нет истины там, где нет любви”, – скажет Пушкин, как бы вторя словам Паскаля: “Я могу одобрить только тех, кто ищет истину с болью в сердце”.

В этой смысловой близости несомненна общая для Пушкина и Паскаля внутренняя евангельская константа. Боль, как и любовь, обостряет духовное зрение. Тут ключевая точка сопряжения русской жизни и русской мысли

с Блезом Паскалем. Ведь русские богоискатели из той же страдающей породы и природы. . . А Паскаль зашёл с самой трагической и правильной стороны к поиску “личного Бога”. Как терпящий бедствие во время шторма на тонущем корабле, он увидел, что времени у человечества не остаётся, и никакой математикой и физикой не спасёшься. . . Только “русские мальчики”, только духовно страстные (если применительно подобное выражение) – Чаадаевы, Пушкины, Батюшковы, Лермонтовы, Гоголи, Тютчевы, Хомяковы, Достоевские, Толстые, Лесковы, Леоновы, Флоренские, Розановы – ищут истину с болью в сердце, иначе они и вообще не могут, ибо сердце для них – орган познания себя и мира! . . . “Всяк ходи около сердца своего”, – взывает старец Зосима в “Братьях Карамазовых”. Философ Б. Вышеславцев называет сердце главным “невидимым” участником “трагической мистерии человеческого существования”. И здесь опять-таки совершенно русская история, поскольку в чистом виде (в кантовском или гегелевском) русской философии не существовало, но от начала времён, от митрополита Илариона с его “Словом о Законе и благодати” до Алексея Хомякова с его “соборной гносеологией”, и во всей русской поэзии и прозе у нас всегда была, говоря словами Паскаля, “философия сердца” . . .

Паскаль, Достоевский, как и другие участники книги Б. Тарасова, – переживают, обнажают, заостряют, доводят до крайней точки кипения и нетерпения главные вопросы бытия. Вопросы, которыми давно уже никто не живёт и которые вызывают в современном обществе раздражённое неприятие своим беспокойным, тревожным и трагическим напряжением, смыслами, отвлекающими от потребления развлечений, от сиюминутных бытовых рефлексий. Но крест этих проблем – хочет человек того или не хочет (как убеждает нас Паскаль), – всё равно лежит на нём от рождения, от первородного греха его праотца Адама. . .

Так, через Паскаля в отражении русских писателей и философов, мы открываем Россию, которая, как убедительно показывает Б. Тарасов, признала духовное и интеллектуальное родство с гениальным французским философом. Монументальное трудо Тарасова в том, что книга его построена по принципу свода – свода как собрания определённо подобранных текстов и как некоего архитектурного купола, устремлённого к своему небесному прообразу – центральному смыслообразующему контексту всей паскалевской философской мысли. Этот паскалевский купол можно сравнить разве что с Сикстинской капеллой Микеланджело, где в центре Бог, а вокруг мировая история в лицах.

Василий Розанов, не только многому научившийся у Паскаля, но и не без его влияния создавший “лоскутный”, фрагментарный стиль собственных “Опавших листьев”, был убеждён, что “Мысли” Паскаля нельзя понять, не зная жизни философа: “Они – последний плод, который принесла эта жизнь”. Так и построена книга Б. Тарасова: жизнь (а по сути, – *житие!*) и творческая биография как ступени к восхождению Паскаля-мыслителя. Такую книгу читатель ждал давно, зная раннюю биографию Паскаля, написанную Тарасовым ещё в конце 70-х годов прошлого века для молодогвардейской серии ЖЗЛ, зная его исследования творчества русских мыслителей, так или иначе пересекавшихся с идеями Паскаля. Теперь же, вкупе с “Мыслями” самого Паскаля, всё собралось под одним сводом паскалевской вселенной. . . (Вообще, с издательской точки зрения книга Б. Тарасова, соединившая в себе широкое исследование, биографию и произведения философа, открывает новый культурологический жанр). И это оказалось не только современно, но и своевременно.

Уже несколько десятилетий Б. Тарасов возвращает нам Паскаля, объясняет, реабилитирует его, ставит в центр философской, этической, религиозной, интеллектуальной проблематики. Он включает Паскаля в контекст русской исторической и философской мысли, также как и русскую философскую, религиозную мысль вводит в контекст паскалевской проблематики, в общеевропейский культурный контекст. И новая книга, свод тарасовского Паскаля, убедительно показывает, к нашему удовлетворению, что Россия, русская мысль не была чужда колоссальной философской и духовной жажде Истины, составляющей сущность паскалевской мысли. Россия приняла эту паскалевскую истину живо, не только умом, но и сердцем, как приняла в своё время православие от Византии, чем навсегда (вопреки Смердяковым-Познерам) подтвердила, что не только не уступает Европе, но и родственна ей, но вно-

сит в её сокровищницу, как и в сокровищницу всей мировой культуры, свой самобытный опыт и вклад самого высокого достоинства. Достаточно взглянуть на имена, представленные в книге.

Интересно, что Паскаль, подобно зеркалу, с беспощадной честностью обнаруживает, кто в нём отражается. Мы видим, как отразились в нём искаженные безбожием физиономии Вольтера, Ламетри, Ницше, Писарева, Добролюбова, Чернышевского; видим с сожалением, как мельчало в нём отнюдь неглупое лицо Льва Шестова, замороченное непониманием и чужеродностью взгляда. Как в зеркале Паскаля менялось лицо Толстого – от просветлённой озарённости светом паскалевской истины до брюзгливой нетерпимости... И насколько содержательны в этом зеркале отражения А. Хомякова, И. Киреевского, К. Батюшкова, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Вл. Соловьёва, о. П. Флоренского, Б. Вышеславцева, Н. Бердяева, С. Франка, В. Розанова, Д. Мережковского, Г. Адамовича...

О суровой “объективности” паскалевского зеркала можно судить хотя бы по тому, как он оценивает сочинения Монтеня, которые, на его взгляд, “не заключают ничего такого, что мы должны были бы особенно тщательно исследовать, согласно правилу святого Августина, ибо его слова не проистекают из великого основания смирения и набожности”. Таков непреложный критерий, которым руководствуется Паскаль в отношении к жизни, культуре, знаниям...

Одна из глав книги Б. Тарасова называется “Паскаль и русская культура в движении времени”. Собственно, это и есть суть и квинтэссенция грандиозного замысла паскалевского свода. Здесь первостепенное значение приобретает историософская и культурософская интенсивность текста, создающая, говоря нынешним языком, гипертекст всей книги. Тарасов не только блестяще владеет инструментарием европейской философской и научной проблематики паскалевской поры, являясь одновременно серьёзным специалистом по истории русской философской мысли, но он при этом не впадает в наукообразный стиль, избегая напускного тумана герметичного языка для так называемых “посвящённых”. Не поддаваясь, однако, и соблазну популяризаторской упрощённости.

Стиль тарасовских работ в лучших традициях русской художественной и философской литературы. Сказывается опыт многолетнего изучения и постижения манеры самого Паскаля. Б. Тарасов специально подчёркивает: “Паскаль пишет, что ненавидит равно шутовской и напыщенный слог, который рассчитан на “ухо”, а не на “сердце”; ему не нравятся фальшивые красоты Цицерона, форсированные антитезы, представляющие собой “ложные окна для симметрии”: авторы подобных антитез не говорят правдиво, а лишь “делают ложные фигуры”. Что подтверждается знаменитой паскалевской мыслью: “Люди всегда удивляются и восхищаются, если видят естественный стиль, ибо, ожидая встретить автора, они находят человека”. Задолго до Бюффона сказанное “стиль – это человек” предполагает не просто “стиль”, но именно “естественный стиль”, в противном случае мы “находим” не “человека”, но нечто искусственное, противоестественное. Потому и – “лучшие книги суть те, при чтении которых каждый верил бы в то, что сам мог бы их написать”, – что так сближает Паскаля с русской литературой, которой (обратимся вновь к незабвенному Пушкину!) по природе своей чужды как “ирония холодная” и “насмешка бешеная и площадная”, так и “мелочные игрушки остроумия”.

Этот, казалось бы, стилиевой аспект разговора о Паскале имеет далеко не формальный характер. Связанный с выходом на понимание “естественного человека”, он также напрямую связан и с центральной темой всей философии французского мыслителя – с темой человека, с тем, что называется “антропологией Паскаля”. Здесь центр силы тяготения и главный узел пересечения русских мыслителей с Паскалем, замечавшим: “Я равно порицаю и того, кто взял себе за правило только восхвалять человека, и того, кто вечно его порицает, и того, кто насмехается над ним; я на стороне того, кто, тяжко стеноя, неустанно ищет”. Наиболее близкий к нему по воззрениям, “неустанно ищущий”, о. Павел Флоренский писал абсолютно в паскалевском духе, как бы совершая вместе с ним круговорот от антропологии к теологии, где сокрыты все начала и концы: “От чего же спасает нас религия? Она спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нём хаоса. Она одолевает геенну, которая в нас, и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут

сознание. Она поражает гадов “великого и просторного” моря подсознательной жизни, “им же несть числа”, и ранит гнездящегося там змея. Она улаживает душу. А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу”.

Паскаль называет человека самым слабым в природе тростником: не надо целой вселенной ополчаться, чтобы погубить его. Для смерти могущественного Кромвеля, например, хватило простой песчинки в его мочеточнике. “*Но этот тростник мыслит!*”. Какая мощь и поэзия в этой обнажённой трагедийности сознания Паскаля! Так в русской поэзии трагично и мрачно смотрят на мир, пожалуй, только Лермонтов и Случевский, а в прозе Достоевский и Платонов... Будто словами князя Мышкина изъясняется Паскаль: “Человек не знает, в какой ряд встать. Он явно заблудился, упал со своего места и не может его найти. Он его ищет везде, беспокойно и безуспешно, в непроницаемых сумерках”.

Человек заблудший – вот трагическая (и чрезвычайно актуальная во все времена!) тема антропологии Паскаля. С одной стороны, – экзистенциальная потерянности и заброшенности в мире: “Вечное молчание бесконечных пространств ужасает меня”. С другой – страх и вечное убежание от самого себя, поиски “снотворного”, ибо “люди, не имея возможности избавиться от смерти, нищеты и неведения, решились, чтобы сделаться счастливыми, во все об этом не думать”. И тут очень важным для понимания паскалевской мысли представляется наблюдение Б. Тарасова: “По мнению Паскаля, основной движущей силой иллюзорно счастливой поверхностной жизни является развлечение, которое своеобразно усиливает видимость и тем плотнее прикрывает глубину главных вопросов”. И ещё одно существенное уточнение: “Развлечение понимается Паскалем не просто как свойство эпикурейски счастливого стиля жизни, не просто как атрибут “ЭСТЕТИКИ ПОВЕРХНОСТИ”, а как псевдоактивное и мистифицирующее средство, мешающее человеку видеть своё подлинное положение... ..Пессимизму скучающего и развлекающегося человека, как известно, предстоит долгая жизнь в последующей европейской, да и не только европейской истории”. Не случайно в начале XX века Александр Блок, всегда отличающийся поразительной чуткостью к будущим драмам истории, в своей речи “Крушение гуманизма” процитирует швейцарского историка культуры И. Гоннегера: “Мы имеем право сказать о себе словами Паскаля, что человек бежит от самого себя. Таков недуг нашей эпохи, и симптомы его так же очевидны для человека мыслящего, как физическое ощущение приближения грозы”.

Так через Паскаля была обозначена ещё одна экзистенциальная проблема человека вообще и проблема XX века в частности. В наступившем двадцать первом столетии это уже не проблема даже, а своего рода катастрофическая пандемия. Человек добровольно отказывается от самого себя. Мощная индустрия развлечений и масскультуры, масстехнологий с целенаправленным остервенением торопится работать на этот разрыв, на эту смертельную пропасть внутри человека.

Весьма символично для русского восприятия, что одно из первых в России упоминаний имени Паскаля в 1728 году было связано с опытом Торричелли, в переводе на русский названным “*Искусом пустоты*”. Кажется, невозможно придумать более точной мета-метафоры для всего духовного искания философа, через “*отделение света от тьмы*” (как в одной из фресок Сикстинской капеллы) пытавшегося понять и по-своему объяснить двойственную природу человека, который представляет собой сосуществование ангела и животного, середину между этими крайностями, из которой выйти не дано: “выйти из середины – значит выйти из сферы человеческого”.

Пустота (как эквивалент “тьмы”) искушает (иссушает) человека, отвлекает его от собственной души, от внутреннего человека в нём, утверждая человека внешнего, *любящего не себя в бытии, а бытие в себе*, как пишет Тарасов. Тут уже разрыв, разделительная линия проходят не по историческому, культурному, общественному телу, но внутри человека, по его сердцу, психике, готовя человечество в целом (а не в одной отдельно взятой стране, как во Франции или в России времён революций) для будущего “скотного двора” глобализации.

“Наш мир – чужбина для истины: никому не ведомая, блуждает она среди людей... – с горечью констатирует Паскаль. – Кошунству ни в чём нет за-

прета, оно не щадит даже самых непререкаемых истин". И это уже не антиутопии Замятина или Оруэлла, поскольку те всё-таки описывали идеологическую машину по превращению человека в пронумерованное количество. Теперь же человек сделал личный выбор в пользу самоотречения. Сначала отрекается от Бога, потом бежит от собственной совести, от душевных страданий, а в конце концов и от самой души, превращаясь в одну пустую оболочку, которую, как синтетическую упаковку, заполняют мутной водой мёртвой культуры... Вот почему Человек стал главной философской и религиозной проблемой Паскаля и Достоевского, Гоголя и Хомякова, Тютчева и Толстого, Чехова и Лескова, Зайцева и Шмелёва, Бердяева и Розанова, Мережковского и Адамовича, Франка и Вышеславцева... Что, между прочим, ставилось всегда в упрёк нашей литературе, в которой содержание, нравственное и духовное начало преобладали над "формой", "алгеброй", "ремеслом", якобы уступая западным образцам с формальной (можно сказать, с технической и даже технологической) точки зрения. Действительно, в России эстетика, выбор художественного стиля – это не выбор формы, но выбор судьбы.

Когда Иван Ильин говорит, что "Русская идея есть идея сердца", кажется, это эхо отзывается на слова Паскаля: "Бог чувствуется сердцем, а не разумом". В книге Б. Тарасова русский философ Б. Вышеславцев называет Паскаля ярчайшим представителем "метафизики сердца". И если, по словам Ф. Мориака, "Паскаль проходит всего человека, чтобы дойти до Бога", то интересно проследить, как проходил этот "путь человека", к примеру, Пушкин, который в ранней юности писал: "Ум ищет божества, а сердце не находит...". Но уже в 1831 году, по воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, он именно в Паскале открывал для себя "метафизику сердца", говоря о философе, что тот "проник в душу и в мысль человека, в её глубины и в её соотношения с *Невидимым*".

Удивительно, насколько верно Пушкин ухватил самые существенные стороны мысли Паскаля с выходом на "*Невидимое*", вечное, таинственное. Неслучайно, как пишет Б. Тарасов, "...именно Пушкин посоветовал Гоголю познакомиться с "Мыслями", которые могли повлиять на умонастроение будущего автора "Выбранных мест из переписки с друзьями". А век спустя Андрей Белый назовёт Паскаля великим мудрецом, открывающим *невидимые* реальности в мире человека... Эта поразительная поэтическая связь через "*Невидимое*" подтверждается профессором Сорбонны Густавом Лансоном, считавшим, что Паскаль в наибольшей степени становится "поэтом могучим, скорбным или величественным до ужаса, когда подходит к *непознаваемому*" (курсив мой. – Г. К.).

И снова очень по-русски развивается сюжет с Паскалем, который сначала безвозвратно бросает научную деятельность (в которой проявил себя как универсальный гений) и к концу короткой жизни покидает "суетный свет" парижского общества, ища уединения и покоя в монастыре Пор-Рояля. "На свете счастья нет, а есть покой и воля..." – выскажет глубочайшую мысль Пушкин как бы в подтверждение гениальной догадки Паскаля о реальных свидетельствах некогда существовавшего "потерянного рая", о чём пишет Б. Тарасов: "Неиссякаемая жадность к счастью и невозможность её насыщения свидетельствуют, по мнению Блеза, о том, что когда-то у человека было подлинное благо, от которого сейчас осталась лишь отметина и пустой след, заполняемый любыми окружающими предметами. После потери истинного счастья всё может стать его заменителем... .Бесконечная и всеобщая жажда счастья может быть утолена, заключает Паскаль, лишь бесконечным и всеобщим существом, каким является только Бог"...

Пушкин шёл ускоренным путём паскалевского самоуглубления, и оба гения почти в одном возрасте достигли этой глубины, обречённые на раннюю гибель. Наш поэт в поисках обретения подлинного счастья так же ведь пытался вырваться из пут лживых условностей и светского "искуса пустоты", признаваясь: "Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег...". И что-то гоголевское (с его одиноким молитвенным стоянием и сожжением второго тома "Мёртвых душ"), и леонтьевское (с его уходом в монастырь), и даже толстовское (во время знаменитого "побега" из Ясной Поляны) – есть во всей паскалевской истории с "освобождением" от прошлого, от "искуса пустоты", от мирской суеты...

Иным путём устремляется европейская, "вольтеровская" линия. Что, опять же, в магическом кристалле гениальной личности Пушкина находит по-

следную и беспощадную оценку так называемому “просветительскому”, “гуманистическому” направлению с их “универсальными” ценностями. “Например, в набравшем достаточную большую авторитет в это время типе учёного, — пишет Б. Тарасов, — внимание Пушкина привлекает существенное духовно-психологическое свойство скуки, онтологически предопределяющее “знаний ложный свет”.

По-своему осмысляя в “Сцене из Фауста” мировой образ, он показывает, к какому концу ведут растущие из такого корня побег: “Всё утопить” — вот последнее желание героя “Сцены...”. Вновь поразительное пушкинское прозрение!.. Ведь под знаком этого “Всё утопить!..” — человечество, можно сказать, прожило целый двадцатый век со всеми его революциями и войнами, а век двадцать первый становится апофеозом, завершающим аккордом в дьявольском погружении человека в погибельную пустоту ложных ценностей со всеми их “универсальными” приманками. И книга Бориса Тарасова показывает, как русская мысль в этическом и духовном сопряжении с мыслью Паскаля пыталась выстрадать, отстоять, освободить от наветов путь к Истине. Прекрасен в данной связи знаменитый паскалевский афоризм, подобно ключу, открывающему смысл непрекращающейся борьбы света с тьмой: “Историю Церкви правильнее было бы назвать историей истины”. Отсюда — ключевой вывод Б. Тарасова: “Работы отечественных мыслителей, — пишет он, — раскрывают различные варианты и потенциальные перспективы в рамках паскалевских категорий развития человека и мира “с Богом” и “без Бога”, помогают оценивать, куда реально движется история — вперёд “вверх” или вперёд “вниз”.

Речь о главном: о движении истории, заключительный акт которой начнется с последней развилки у Креста на Голгофе. И тут встаёт вопрос последнего выбора, выбора каждого и всех: или — или. Для чего требуется “подвиг веры”, говоря словами Г. Флоровского. Вот почему в главе об о. П. Флоренском Б. Тарасов замечает, что для Флоренского, “как и для Паскаля, высшее состояние личности, нашедшее абсолютное выражение в Иисусе Христе, заключается в любви и святости, трансцендентных для всего только человеческого и обретаемых в конечном итоге в результате “толчка извне, оттуда”. В этом высказывании открывается мастерство Тарасова-учёного находить родство, некий общий интеграл в разных интеллектуальных рядах (текстах), объединённых общим духовным и метафизическим единством. В сочетании с известной книгой Г. Стрельцовой “Паскаль и европейская культура” (1994 г.), посвящённой влиянию Паскаля на европейскую мысль, книга Б. Тарасова с его “русским” Паскалем создаёт по-настоящему объёмный образ личности гениального французского мыслителя. (Хотя для полноты портрета, может быть, интересно было проследить сходство Паскаля с русскими святыми, к примеру, со святым Силуаном, для которого любовь также являлась первенствующим смыслом всего его религиозного опыта. Ведь подчёркивает Б. Тарасов слова о. П. Флоренского о том, что “есть какое-то сродство у Паскаля с православием и что недаром же А. С. Хомяков часто называл Паскаля своим учителем”. Говорится же в книге о “существовании удивительного сверхэмпирического единства нации” (Н. Лосский), следовательно, в духовном плане безусловно существует и “сверхэмпирическое единство” России с Паскалем и Паскаля с Россией. В этом смысле истина всегда универсальна, и мы можем говорить о Паскале — всемирный француз, как наш Достоевский или Пушкин — всемирный русский!

Сам Паскаль в письме к Ферма скажет о том же другими словами: “Истина одна и та же и в Париже и в Тулузе”. Вспомним также, что говорит Бог у Паскаля во фрагменте “Тайна Иисуса”: “Утешься. Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашёл Меня”. Это звучит почти дословно как строка духовного завещания преподобного Серафима Вырицкого: “От Меня это было”.

Что до “сверхэмпирического единства”, то именно в связи с Паскалем нельзя разминуться с одним из вечных проклятых “русских вопросов”: что есть Запад и что есть Россия? И Запад, оказывается, не столь однороден, если западный философ может разрубить неразрешимый узел взаимоотношений и взаимоотталкиваний. “Генезис, развитие и своеобразие русской религиозной философии, — пишет Б. Тарасов, — её теоцентрический и антивозрожденческий пафос, сосредоточенное внимание на “тайне человека” и творимой им истории предопределили особый интерес целого ряда её представителей к личности и творчеству Паскаля”. Далее Тарасов развивает свою

мысль: “Волевой рост мысли русских философов был направлен на Богопознание и Боговоплощение, на истоки и последние смыслы бытия, истории и человеческого существования, а не на интеллектуальную инвентаризацию всех критик разума, как у Канта, или создание энциклопедии философских наук, как у Гегеля”. К слову сказать, именно в таких размышлениях по-настоящему раскрывается Борис Тарасов – не только биограф и публицист, но самостоятельный мыслитель, историк философии и религиозной мысли. В сжатой форме даёт он ясные и точные формулы: “В самобытной отечественной мысли, развивающейся преимущественно вне “школьных”, “схоластических”, “профессиональных” систем, – пишет он, – на передний план выходили христианская метафизика, онтология, антропология, этика, философия истории и культуры, а не разнообразная и уточняющаяся проблематика теории познания. Отсюда и отсутствие в ней, говоря словами Пушкина, “холода предначертания”, глубокая слитость, как и у Паскаля, собственно философских и жизненных аспектов, драматическое переживание русским мыслителем своей судьбы и ответственности за выстраданную истину, прорыв личностных, проповеднических и исповедальных интонаций в обсуждение теоретических вопросов, соединение строгой логики и страстной публицистичности, тяготение к многозначным символам и пластическим образам, использование принципиально незавершённой, художественной, свободной и открытой формы для изложения им собственных взглядов”.

Глубина понимания сложнейших вопросов, поставленных русскими мыслителями, помогает Б. Тарасову поворачивать вечные проблемы неожиданно современными гранями. Так, у Вл. Соловьёва он обнаруживает следующий “паскалевский” вывод: “Пока тёмная основа нашей природы, злая в своём исключительном эгоизме и безумная в своём стремлении осуществить этот эгоизм, всё отнести к себе и всё определить собою, – пока эта тёмная основа у нас налицо – не обращена – и этот первородный грех не сокрушён, до тех пор невозможно для нас никакое *настоящее дело* и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла”. Так извечный русский вопрос “кто виноват?” и “что делать?” обретает, кажется, достойное решение: не “*ЧТО делать?*”, а “*КТО?*”, “*КТО должен делать?*”. “Представьте себе толпу людей слепых, глухих, бесноватых, – продолжает Соловьёв, – и вдруг из этой толпы раздаётся вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаёте себя за здоровых, для вас нет исцеления. . . . Истинное дело возможно, только если в человеке и в природе есть положительные силы добра и света; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют”. Вывод действительно “паскалевский”. К тому же звучащий как предупреждение нашему времени, когда в масштабах целых стран, континентов, отодвигая и задвигая разумных и здравомыслящих, – “делать” берутся этически невменяемые, бесноватые, никому не известные тёмные личности, назначившие себя “высшей инстанцией”, определяющей для всего мира “универсальные ценности”, глобальные проекты ради некоего эфемерного прогресса!.. И если, как пишет Б. Тарасов, Паскаль “оказался в центре “переворачивания” средневековой картины мира, когда теоцентризм уступал место антропоцентризму, утверждавшему человека мерой всей, целиком от его деятельности и планов зависимой, действительности. . .”, то сегодня происходит очередное “переворачивание”, но уже “не картины мира”, а, собственно, самого мира. И вот уже вместо человека – мифические “права человека” и “правозащитники” на окладе, “прогресс” и “демократия”, одним словом, – ложь о человеке. И уже даже не “Бог философов и учёных”, и уж, конечно, не “Бог Иисуса Христа”, как сказано у Паскаля, но “Отец Лжи” стоит во главе этой всемирной корпорации Тьмы.

Вот когда Б. Тарасов переходит на прямую речь, на ту самую высокую публицистичность, которую отмечает у своих предшественников в русской философии. Он пишет: “Мысль Апокалипсиса, – подчёркивал, например, П. Я. Чаадаев, – есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия, ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взывающие, – их надобно слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, – на них надобно смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, – мы слышим его беспрестанно”. И, может быть, есть смысл получше вслушаться в “треск машины мира”, улавливавшийся ещё Паскалем, и повнимательнее отнестись к “беспредельному уроку”, а не устрем-

латься так завистливо и жадно, как нас призывают очередные реформаторы (поменявшие одну “короткую” идею на другую) в “цивилизованное общество”? И не стоит ли, напротив, слегка притормозить, оглянуться и подумать о “субъекте прогресса”, о его душе?”. Уже о. П. Флоренский, по словам Б. Тарасова, в “свершившемся историческом опыте раскрывал онтологический путь распада от Ренессанса к Просвещению и нигилизму, от “возрождения” к “вырождению”: желая только себя, в своём “здесь” и “теперь”, злое самоутверждение негостеприимно запирается ото всего, что не есть оно... .. разве не видим мы, как дробится и рассыпается и общество и личность, до самых тайников своих, желая жить без Бога и устраиваться помимо Бога, самоопределяться *против* Бога”. Флоренский называет ключевое слово, подготовленное ещё Паскалем, — “распад”, которое позже, открывая не по своей воле Запад, назовёт и Георгий Иванов в статье “Распад атома”. Человек дробится, мельчает, разрушается — и уже не люди, а дробь людей правят миром.

Л. Толстой, вопреки всему, говорит: “Паскаль показывает людям, что люди без религии — или животные, или сумасшедшие, тыкает их носом в их безобразии и безумии, показывает им, что никакая наука не может заменить религию”. Мы видим, насколько злободневно звучит это в книге двадцать первого века, когда “безумствуют”, косвенно обвиняя в “мракобесии” в том числе и гениального учёного Паскаля, академики-богборцы Гинзбурги и Алфёровы. “Розанов не раз сокрушается, — пишет Б. Тарасов, — что в ходе истории “глупые” (например, Спенсер или Бокль) одолели Паскаля... Он язвительно сравнивает позитивизм с “ослиной мордой”, прилагаемой “ко всякой действительности” и царящей в современную эпоху во всём мире, в результате чего наука, философия и университеты, подчинённые Дарвину и Чернышевскому, производят “щель с тараканами”... .

Толстой когда-то напрямую вопрошал, чем объяснить, что среди верующих были и есть “отнюдь не невежды: Сократы, Декарты, Ньютоны”? Невероятно, до чего “перевернулся” сегодняшний мир: Паскаль, Державин, Пушкин, Лермонтов, Чаадаев, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Соловьёв, Флоренский, Бердяев, Лосев (“отнюдь не невежды”) — оказались вдруг неразумней “могучей кучки” нынешних либерал-инквизиторов, непогрешимых наследников дела своих большевистских сородичей, которые на дух не переносят Православия, хотя, как и положено им, “веруют и трепещут”. Вот чьи “бешеные насмешки” и “поучения” вынуждена сегодня выслушивать терпеливая православная Россия, нынче они “философы”, “субъекты прогресса”, гордо величающие себя “агностиками”. Эти так называемые “агностики” — присвоили себе право диктовать, который час должен быть на “часах христианства”. Один из них, превзошедший своих демократических собратьев — познеров, новодворских, шендеровичей... — откровением в русофобской толерантности, г. Чубайс, который, по его признанию, испытывает к великому русскому писателю Фёдору Михайловичу Достоевскому “почти физическую ненависть” и желание “разорвать его на куски”. Как, однако, всевременны все эти “Каиафы”, как будто время остановилось. Это о них скажет Паскаль: “Пусть предоставят нечестивые выпады прирождённым пакостникам, для которых подобные выпады естественны... .”

Но ведь и Франция, как замечает И. Киреевский, “пошла не за Паскалем, не по пути созидания “положительной философии”, а за Вольтером”. В том и заключается актуальность темы Россия — Запад, темы влияния Запада. Мы тоже, увы, пошли за “демоническим хохотом Вольтера”. “В клетке сниженных идеалов и при власти потребительской деспотии, — говорит Б. Тарасов, — всегда незримо действует идея естественного отбора, обставленная красивыми речевыми конструкциями о демократическом обществе, диктатуре закона и т. п.”. В результате всё кончается либеральным пайком (пайкой!) в виде “прожиточной культурной корзины” для “бедных”.

В более жёсткой форме Б. Тарасов высказывается об этом, говоря о Тютчеве, который “даёт универсальный ключ к рассмотрению подобных перерождений, обозначив возможный постхристианский контекст и иудин дух развития отрекшегося от Христа человека и человечества, когда... совершается “роковая последовательность отрицания”, а самозванный разум — “отщепенец” разбивает и собственный кумир, приходя к необходимости обоготворения плоти и порабощения ею”. Такова политическая эволюция, а точнее сказать, политический и культурный дарвинизм, в котором, разумеется, побеждают

наиболее прожорливые хищники. Скажет же беспощадно умный В. Розанов: “Хрупко только гениальное. В самом деле, наблюдение: гений в здоровы своём, в настроении своём, в созданиях своих дрожит как слеза на реснице Божией; он вечно между “есть” и “нет”. Паскаль и Ньютон были вечно больны; Собакевич был постоянно здоров”...

И всё-таки основной стиль и научный метод Бориса Тарасова – метод объективного исследования, систематизации собранных знаний, источников. Он редко переходит на “прямую речь”, пытаясь дать по возможности целостную культурную, историософскую картину эпохи. Хотя, разумеется, Тарасов субъективен, но его субъективность выражается в столкновении разных исторических суждений и оценок, в предпочтении персонажей (в данном случае, среди русских мыслителей и писателей). Его симпатии явно не на стороне позитивистов и неприкрытых атеистов, хотя он никого и ни в чём как будто бы прямо не убеждает, но приоритеты очевидны. И пусть в открытую полемику он не бросается, бесспорно, что он явно находится на стороне Паскаля, на горней высоте его истины, на стороне трудных поисков этой истины. И в выборе движения истории “с Богом” или “без Бога” – вместе с Паскалем он выбирает путь “с Богом”. Здесь развилка на распутье у камня паскалевской “антропологии”. Б. Тарасов говорит об этом как о выборе исторической судьбы России: “Вместе с тем “внутреннее” просвещение, как считали славянофильские философы, давало русским людям силу духа, без которой невозможно было вынести многовековые испытания и страдания, как бы распятость на кресте истории. Оно предопределило на долгое время синкретизм в литературе и искусстве (летописи, жития, храмовая живопись, музыка), неразвитость деятельного внимания к экономике, хозяйству, технике как подчинённым и второстепенным элементам жизни”.

Так открывается линия водораздела, сложнейшая мировоззренческая грань, метафизическая, по сути, граница, разводящая в исторической перспективе по разные стороны Россию и Запад: в России главное – личность, на Западе – индивидуальность, и этим всё сказано.

В книге “Мыслящий тростник” Б. Тарасов предстаёт как продолжатель русской философской традиции. Заслуга его в том, что своим Паскалем он, можно сказать, срывает лицемерные маски с так называемых либеральных интеллектуалов. Когда с уходом цензуры появились книги о П. Флоренского, В. Розанова, Б. Паскаля, Г. Флоровского, В. Зеньковского, Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Лосского, С. Франка, о И. Кронштадтского... – наши просвещённые гурманы стали гоняться за ними, ища там в первую очередь интеллектуальной пищи, своего рода “игры в бисер”, удовлетворения *libido sciendi* (похоти знания, говоря словами ап. Иоанна Богослова)... Им было невдомёк, что нет ничего более антиинтеллектуального, антирационального по сути, чем выстраданные авторами этих книг идеи, направленные в сущности именно против гордыни ума... Это книги, как раз уводящие с широкой дороги игры и тщеславия, с дороги страстей и суеты на узкий путь духовного искания, спасающие “нас от нас”!..

Разумеется, гениальный Паскаль отликает свои духовные озарения в блестящей интеллектуальной форме. В его философии достаточно откровений и для смиренных верующих (“У сердца свой порядок, у разума – свой... У Иисуса Христа, святого Павла свой порядок в проповеди, ибо их цель – не учительство, а возжигание огня в людских душах”); и для грешников (“Если бы ты понял, какие грехи совершены тобою, сердце твоё разорвалось бы”); и для ценителей красоты слога (прекрасно его определение мирового космоса: “Это бесконечная сфера, центр которой повсюду, а окружности нет нигде”); и для ценителей иронии (“Говорите нам приятные вещи, и мы будем вас слушать, говорили еврею Моисею”); и для суровых реалистов (“Последний акт – кровавый, как бы ни была прекрасна комедия во всём остальном. В конце концов бросают землю на голову, и это навсегда”); и для ценителей отточенной до блеска логики (как в его суждении о том, кем является человек: “Ничто в сравнении с бесконечностью, всё в сравнении с ничем – середина между ничем и всем”) и не менее совершенной алогичности (“пренебрежение философствованием и есть истинная философия”); и для ценителей метафоры (“Реки – это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь”); и для азартных игроков (“Взвесим наш возможный выигрыш или проигрыш: если вы поставите на орла, то есть на Бога. Сопос-

тавим тот и другой: выиграв, вы выигрываете всё, проиграв, не потеряете ничего. Ставьте же, не колеблясь, на Бога!)...)

Вдохновенных Паскаль делает вдохновенными, поэтов – поэтами, философов – философами, учёных – учёными, диалектиков – диалектиками, эстетов – эстетам. . . Читая его, убеждаешься: Человек, тайна Человека и тайна Космоса Паскаля – вот величайшая поэма, драма, трагедия.

Его Человек всегда стоит перед выбором между светом и тьмой, между Истиной и ложью, он либо в пути, либо в беспутьи. . . Очень важно, что именно на переломе истории, на пороге, быть может, космических и апокалиптических событий, “Мыслящий тростник. . .” Б. Тарасова показывает, какой выбор сделал Паскаль и на какую сторону встаёт русская философия. Чтобы оказаться на этой трудной горней стороне, необходимо, по мысли Ф. Тютчева: “верить в то, во что верит святой Павел, а после него Паскаль, склонять колени перед Безумием креста или же всё отрицать”.

Последняя часть книги, она же и центральная на паскалевском куполе, это собственно “Мысли” самого Паскаля (в прекрасном переводе Э. Линецкой). И тут всё как будто замирает. . . Говорить начинает Паскаль. Нет, не говорить, но мучительно исследовать свою душу, своё сердце, свой дух, в которых, каким-то чудесным образом, как в драгоценном кристалле, отражаемся и мы со своими проблемами, с окружающим нас экзистенциальным молчанием бытия перед нашим собственным ужасом и вопрошанием. . .

В Паскале действительно что-то есть и от апостола Павла и от блаженного Августина. Можно даже сказать (предположить), что такие люди появляются, когда Христос где-то рядом, очень близко, словно Его вновь рядом с нами распинают. И как знак этого невидимого для простых глаз мистического события, как предупреждение: “Нельзя спать!..” – появляются люди подобной онтологической миссии, несущие на себе крест, который нам не по силам. Паскаль предупреждал: “Любое движение отзывается на всей природе: море меняет свой облик из-за одного-единственного брошенного в него камня. То же самое можно сказать и о благодати: любой человеческий поступок отзывается на всех людях. Значит, в мире нет ничего несущественного” . . .

Вспоминая знаменитый паскалевский пассаж о том, что если бы нос Клеопатры имел другую форму, история разворачивалась бы по-иному, можно с не меньшим основанием утверждать, что если бы в истории человечества не было Паскаля, и мировая мысль также разворачивалась бы по-иному.

Паскаль, как старый добрый часовщик на старинной башне, который уже век смазывает, чистит, исправляет и не даёт остановиться ветшающим часам, показывающим, “какой час дня мы переживаем в христианстве”.

Сердечно поздравляем нашего друга и постоянного автора, известного русского поэта и публициста Геннадия Красникова с шестидесятилетием со дня рождения! Желаем доброго здоровья и новых творческих удач!

Редакция